

Николай Петрович Вагнер

Руф и Руфина

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0014

Н. П. Вагнер
РУФ И РУФИНА

В старые, древние годы, на родном месте, стоял дремучий лес — сосны да сосны, ели да ели — высокие, седые спали в дрёме дремучей и весь лес словно мохом серым оброс.

Давным-давно, когда был он молод, когда свежая, юная жизнь играла в каждом зеленом деревце — и солнце глядело в самую глубь его, на все молодые стволы берез, сосен и елей, когда оно ласкало и согревало траву и цветы, что росли вокруг этих стволов, — тогда все в лесу было полно жизни и свету.

Птички порхали по молодым деревцам и кусточкам; бабочки кружились над цветами, мышки бегали и резвились на лужайках. Они приходили пить воду из маленького озерка, и водяные брызги текли по их усам и бархатным мордочкам, играли на солнце мелкими бриллиантиками.

Тогда в лесу было весело, отрадно. Над озерком на маленькой полянке росло большое дерево, и под это дерево приходили играть двое детей, мальчик и девочка. Мальчика звали Руфом, девочку — Руфиной.

Они были чужие друг другу, сироты, но сердца их сжились и сроднились.

— Ты мой брат, мой милый Руф, — говорила девочка, — а я твоя Руфина.

Но Руф ничего не отвечал на этот теплый привет своей названной сестры. Он только брал ее крохотную, пухлую ручку и крепко сжимал в своих крепких, сильных ручонках.

— Руф! скажи мне, милый, отчего солнце светит и греет, отчего цветы цветут, зеленеет травка и поют и порхают птички и бабочки.

Но Руф не вдруг отвечал Руфине. Он посмотрел на солнце, на цветы и зеленые луга, на порхающих птичек и бабочек и тихо сказал:

— Оттого, что солнце горит и не сторает. Это вечная лампада. Оно светит, и греет и землю, и вместе с ней все, что вертится вокруг него. Если бы солнце не грело и не светило, то не было бы и лесу, и бабочек, и птичек, и мышек.

Руфина крепко задумалась и потом встряхнула всеми своими русыми кудрями и, взглянув на Руфа своими любящими, ясными, светло-голубыми глазками, сказала:

— Нет, мой милый Руф! Мне кажется, это не так. Солнце греет землю, потому что оно любит ее. Оно любит ее и убирает и зеленой травой, и лесом, и цветами. Оно зовет из земли и травку, и деревья, и кусты, и они идут к нему на его ласковый зов, любят друг на друга и любят на солнце, и солнце на них любит. Бабочки льнут к цветам, ласкают цветы, а птички так любят лес, кусты и деревья. Слышишь! Слышишь! Как они весело чирикают?! Это они поют песню любимому солнцу, свету и воздуху.

Руф посмотрел на нее и улыбнулся.

— Крот не любит света! — сказал он. — И сова, и филин, и волк, и лиса, и рысь, и всякий хищник крадется ночью, — потому что ночью им лучше, удобнее ловить добычу. Они все не любят света.

— Да, они никого и ничего не любят, и их никто не любит, потому что они злые, — перебила его Руфина.

— Если бы не было злых и все были бы добрые, — сказал Руф, — то мы не знали бы, что они добрые.

— Ах! это не нужно знать... Мой милый

Руф! Это надо чувствовать — и сердце сейчас чувствует, слышит, кто добрый и кто злой.

Руф опять усмехнулся.

— Если были бы одни добрые и солнце бы любило их, — то, наконец, их бы столько народилось, что всем бы на земле стало тесно, и корма бы им не достало, и они поневоле стали бы есть друг друга.

Но Руфина в ужасе зажала себе уши и вся вздрогнула. Руф искоса взглянул на нее, улыбнулся и сказал:

— На свете всюду борьба добра со злом. И если б не было этой борьбы, то все люди, птицы и звери и рыбы давно бы спали сном праведным и не дошли бы до того, до чего дошли теперь... Борьба не дает им спать покойно. Она постоянно их будит и заставляет быть добрыми и деятельными.

Руфина всплеснула своими маленькими ручками.

— Да разве борьба заставляет быть деятельными? Борьба есть зло, так же как и лень... и блажен тот, кому даны силы победить в себе косную неподвижность. Руф, мой милый, дорогой Руф! Я верю, что есть где-ни-

будь там... там далеко, куда не доходит свет солнца, там есть блаженная страна, где нет борьбы и где все добро и любовь.

— Да!.. Как бы не так! Ты вот всему веришь, а ничего не знаешь и никогда не будешь знать!

— О! Мой родной Руф! Если бы и в тебе было больше веры и меньше знания, то как бы легко тебе жилось на свете!

— Мне и теперь жить нетрудно. А будет больше знания у меня и у людей, то будет еще легче жить. Гораздо, гораздо легче...

Но Руфина вздрогнула и вскрикнула, показывая на траву:

— Руф! Руф! Смотри... змея!.. Но Руф схватил эту змею за хвост, и она, шипя и извиваясь, обернулась двумя кольцами вокруг его руки.

— Руф! — вскричала Руфина. — Что ты делаешь!

И она бледная схватила его за руку и старалась оторвать змею от его руки.

Но он легким движением отстранил ее.

— Это не змея, а уж! Пойми и знай, что это безвредный, невинный уж... Ты даже этого не

знаешь и не можешь отличить змею от ужа.

— Смотри, она выставляет жало!.. Она ужа-лит тебя!..

— И это вздор! Это не жало, а язык у него, и никакая змея не жалится, а кусается ядовитыми зубами... И этого ты не знаешь!

И он бросил ужа на землю. И уж быстро пополз к озерку и ушел в воду.

Руф и Руфина смотрели, как он полз и как скрылся в воде.

С тех пор прошло много лет. Руф вырос и стал крепким и сильным молодым человеком. Но всего сильнее и крепче была его голова. В ней был целый громадный склад знаний. Он знал, что было в далеких, беспредельных пространствах эфира. Он знал, что было в глубоких тайниках земли и на дне океанов. Он говорил, что нет тайн и нет пределов для его знаний. Он ходил гордо, подняв голову, с высоким огромным лбом. Его темные волосы вились вокруг этого лба, точно темная волнистая корона. Он смотрел своим острым всепроницающим взглядом в высокое небо, и этот взгляд видел тайны далеких миров, которые горели светлыми лампадами на темном ночном небе.

И этого мало. Он не только знал; он был силен этим знанием. Ему повиновались и воздух и море.

И Руфина никогда не разлучалась с ним, с ее милым Руфом. Она удивлялась его знаниям и силе. Но прежде и больше всего она любила его — и одного добивалась она, об одном

молилась, чтобы ее Руф узнал великую силу любви и веры.

Но эту-то силу он не признавал. В нее он не верил.

Раз в темную осеннюю ночь Руф пошел в лес и Руфина пошла за ним.

Он говорил Руфине:

— Люди признают добро и зло, темные и светлые силы — но это заблуждение. Темные силы переходят в светлые, и нельзя отличить, где кончаются темные силы и где начинаются светлые. Где кончается зло и начинается добро. Всякий человек, имеющий знание, может победить все силы и встать выше их... Главная сила, сила всех сил, — это ум человека, и ты сейчас увидишь его силу.

Руфина вся похолодела и задрожала при этих словах.

А он протянул свою руку вперед. Все волосы на его голове разметались во все стороны.

Хрипло и глухо начал он произносить непонятные слова... И по мере того, как он выговаривал их, весь лес, весь воздух начал наполняться шумом. Точно сильный ветер налетал на землю и тихо качались и скрипе-

ли столетние деревья, а по земле шел топот множества копыт! Точно громадный табун скакал по ней. И весь лес, все деревья поклонились Руфу. Все они со страшным шумом нагнулись и прилегли к земле, а вся земля гудела громом подземным и тряслась от страха.

С ужасом оглянулась Руфина кругом, и всюду, со всех сторон света, склонялись деревья, кусты и травы, холмы и горы. Все лежало ниц... Один Руф стоял гордо и прямо и творил заклинанья. А Руфина, бледная от ужаса, склонилась к его ногам.

И вдруг он взмахнул руками и начал тихо приподниматься от земли к небу.

Руфина слабо вскрикнула и вся задрожала. Она думала, что ее Руф, ее сильный Руф, покинет ее на земле, что он поднимется в небо и улетит от нее.

Но почти в то же мгновение страшный удар грома загредел в ясном небе, загредел в вышине, там, где сияли мириады звезд, и вслед за ним вдруг поднялись, вскочили все деревья, кусты и травы, холмы и горы; а Руф, ее сильный Руф, закричал страшным могучим голосом. Его руки, приподнятые гордо к

небу, все застыли в их движении и превратились в громадные ветви. С боков тела во все стороны протянулись длинные сучья, а ноги ушли глубоко в землю толстыми корнями.

Не стало Руфа!.. На место его стояла громадная чудовищная ель, гордо поднимая к небу свою многоветвистую вершину!

Дико, безумно вскрикнула Руфина и без чувств упала на толстые корни ели.

Когда она очнулась, было уже утро — тихое, ясное утро. Лес был полон птичьих голосов. Мирно, угрюмо стояли сосны и ели, и выше их всех высилась чудовищная ель.

Руфина обхватила ее крепко руками. Горькие слезы лились из ее глаз. Они шли прямо из любящего сердца и поливали землю, в которую вросли могучие корни ели.

И целый день и целую ночь Руфина не отходила от ели. Она сидела, закрыв глаза, приклоняясь головой к ее толстому, огромному стволу, и слезы бежали, струились из ее глаз.

По временам она со стоном отнимала голову, крепко обеими руками обнимала ель и начинала горячо целовать ее. Она думала, что этими поцелуями передаст живую человеческую душу ее милому Руфу.

«О! — думала она- если б я была птицей, я взлетела бы на самую вершину моего милого Руфа, я прошептала бы другу слово любви и утешения...»

И она молилась, жарко молилась светлым силам.

И светлые силы исполнили ее желание.

Рано утром на восходе солнца у ней выросли крылья. Она превратилась в кроткую, хорошенькую горлинку.

Радостно вскрикнула она, взлетела на вершину ели и хотела высказать Руфу свое теплое, сердечное слово... но вместо слов из ее сердца полились только жалобные, сердечные песни... и она грустно, невыносимо грустно ворковала над своим милым, дорогим Руфом.

И шли дни за днями.

В ясную, тихую погоду все ветви и сучья громадной ели тихо опускались вниз; но в дни бурливые и ненастные они злобно поднимались кверху и как будто грозили небу. И бедная Руфина при этом вся трепетала и ворковала так громко и жалобно, что у всех птиц сжималось сердце от жалости к несчастной горлинке Руфине.

Один раз после томительно-жаркого дня надвинулась страшная туча и заволокла почти все небо. Все потемнело на земле. Вся травка в ужасе припала к ней, деревья грустно качали вершинами и кланялись небу. Од-

на громадная ель не склонилась перед ним. Она гордо и злобно подняла к нему свои ветви и стояла неподвижно, гордая своей силой...

Страшный, оглушительный удар, от которого задрожали все деревья, потряс горы и скалы и воздух, и вершина Руфа, разбитая, расщепленная, полетела на землю.

Руфина оцепенела от ужаса. Долго лежала она, припав к земле, наконец встрепенулась, жалобно вскрикнула, вспорхнула и села на раздробленную, поверженную на землю вершину ели.

Это все, что осталось ей от милого, дорогого Руфа...

С тех пор прошло много, много лет. Старый, хмурый, седой лес обступил, оброс со всех сторон разбитую ель, ее вершина давно умерла, посохла; но, как и прежде, на этой вершине сидит неизменный друг, любящая горлинка Руфина и грустно воркует и поет тихие, сердечные песни — ее милому погибшему другу.